

Нуждин О. И. «Мы возьмем дочь вашего короля и все, что мы просили за нее...»: к вопросу о борьбе Генриха V за престол Французского королевства / О. И. Нуждин // Научный диалог. — 2019. — № 7. — С. 334—351. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-334-351.

Nuzhdin, O. I. (2019). “We’ll Take your King’s Daughter and Everything we Asked for her...”: King Henry V’s Struggle for the Throne of the French Kingdom. *Nauchnyi dialog*, 7: 334-351. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-334-351. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 94(44).026

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-334-351

«Мы возьмем дочь вашего короля и все, что мы просили за нее...»: к вопросу о борьбе Генриха V за престол Французского королевства

© **Нуждин Олег Игоревич (2019)**, orcid.org/0000-0003-2127-4214, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), o_nuzhdin@mail.ru.

Статья посвящена исследованию правовых условий, позволявших королю Англии Генриху V предъявлять претензии на престол Франции. Автор указывает, что к началу XV века во Франции сложилась довольно устойчивая традиция передачи королевской власти, включавшая в себя такие принципы, как примогенитура, агнатское право, «право крови», исключение иностранцев, а также женщин и их потомства из наследования. Утверждается, что под влиянием Столетней войны эти правила получили дополнительную аргументацию, сделав реализацию претензий английских монархов почти невозможными. Подчеркивается, что при этом политический кризис начала XV века во Франции, в том числе смерть двух дофинов и королевская «схизма», создали правовую лазейку. Поясняется, что она состояла в процедуре усыновления, по которой король Франции Карл VI признал Генриха V своим сыном и наследником. Отмечается, что данная идея была сформирована на основе опыта дипломатических отношений с Неаполитанским королевством в 1419 году. По мнению автора статьи, договор в Труа установил новые принципы передачи престола и стал компромиссом между династиями Валуа и Ланкастеров.

Ключевые слова: Столетняя война; Генрих V; наследование престола; Ланкастеры; договор в Труа.

1. Особенности политического положения во Франции и Англии в начале XV века и возобновление войны Генрихом V

Договор в Труа, подписанный в конце мая 1420 года, является одним из ключевых, переломных моментов истории Столетней войны, призванным

окончательно разрешить англо-французские противоречия. Современные исследователи, изучающие события первой четверти XV века, зачастую не заостряют внимание на проблемах, связанных с переходом власти во Французском королевстве от династии Валуа к Ланкастерам, и поэтому заключение соглашения между королем Англии Генрихом V и королем Франции Карлом VI выглядит сравнительно быстрым и безболезненным. Однако, чтобы это событие произошло, Ланкастерам пришлось преодолеть множество трудностей не только военного, но и сугубо правового характера.

Договор в Труа стал закономерным итогом эволюции требований второго короля из династии Ланкастеров, которые с момента прихода его к власти в 1413 году неоднократно менялись, становясь все более и более радикальными. У Генриха V в распоряжении имелось несколько способов решения многовековых противоречий, существовавших между королевствами. Первый из них касался изменения статуса английских континентальных владений с вассально-зависимого на суверенный. Для этого требовалось восстановить статьи договоров в Бретиньи и Кале, подписанных еще в 1360 году, с чего и начал свою политическую экспансию Генрих V. С реализацией такого проекта в условиях военного превосходства Англии, особенно после битвы при Азенкуре, особых проблем не возникало.

Если бы не династические проблемы, охватившие род Валуа, как столетие назад род Капетингов, возможно, этими требованиями все бы и ограничилось. Однако смерть двух дофинов (Людовика в декабре 1415 года и Жана в апреле 1417 года) и пленение герцога Карла Орлеанского при Азенкуре позволили королю Англии возобновить претензии на французский престол. Впрочем, в этом также не было ничего принципиально нового: по такому же пути уже прошел его предшественник Эдуард III. Но если для него притязания на престол Франции были средством оказания давления для утверждения суверенитета над континентальными владениями, то для Генриха V реализация своих прав стала элементом действий, получивших у исследователей название «реальная политика» [Harriss, 1985, p. 198].

Как оказалось, борьба за французский престол способствовала решению не только внешнеполитических, но и ряда внутренних проблем. Дело в том, что Ланкастеры пришли к власти в Англии как узурпаторы, чтоставляло их по-особенному выстраивать свои отношения с английской знатью и Парламентом. По мнению А. Р. Майерса, важнейшей проблемой для Ланкастеров после захвата ими власти стало примирение между собой политической теории и практики. В соответствии с теоретическими поло-

жениями, король располагал весьма обширными полномочиями, управляя в соответствии с божественным и естественным правом и законами Английского королевства. Однако в жизни объем его власти оказывался не столь велик, ему приходилось многим жертвовать в пользу Парламента. Поэтому первых Ланкастеров можно охарактеризовать как «конституционных» или как «парламентских» монархов [Myers, 1991, p. 132].

Согласно действующей доктрине, магнаты были естественными лидерами общества, выражая его интересы перед королем. Они были советниками короля по всем вопросам, влияя на его политику, в первую очередь через королевский Совет, который в правление Ланкастеров приобрел большой вес. Время Ланкастеров стало периодом баронского доминирования, попытки Генриха IV давить на Совет успехом не увенчались. Поэтому Генрих V примирился с ним, используя поддержку баронов для войны с Францией [Myers, 1991, p. 133].

Сходной позиции придерживался Ч. Оман, утверждавший, что главная зависимость проистекала именно от Парламента, а не от Совета. Правление Ланкастеров ознаменовалось возрастанием роли этого учреждения, что привело к возникновению в английской историографии термина *конституционный эксперимент*. Под этим выражением понимается необходимость для королей династии Ланкастеров править вместе с Парламентом и управлять страной через него. Главную причину такого явления Ч. Омэн видит в том, что Ланкастеры пришли к власти нелегитимным путем, но при содействии Парламента. Они стали фактически первыми выборными монархами, которым общины обеспечивали поддержку населения [The Political History of England, 1910, P. 153—154]. Некоторые историки даже сравнивают события 1399 года по своей значимости с революцией 1688 года, когда народ также спас конституционное правление от политики короля [Adams, 1921, p. 216].

Общины благодаря конституционной реформе ввели ограничение королевского суверенитета, прежде всего в области финансов, настаивая, чтобы монарх жил на собственные средства, не облагая страну налогами. Такая политика лишала центральную власть необходимых средств для нормального управления [Pollard, 1912, p. 83—84]. Поэтому война во Франции и захват ее престола позволяли решить массу задач для Генриха V.

Занятие трона Франции и смещение с нее династии Валуа позволяли ему существенно укрепить королевскую власть в рамках реализации политического идеала. Ланкастерам была известна провозглашенная еще в начале XIV века логиком короля Филиппа IV Гийомом де Плезианс формула: «король есть император в своем королевстве» [Bonnefin, 1987, p. 208].

Английские легисты шли по тому же пути и также утверждали, что король подчиняется только Богу и закону, но не другому человеку, имея в виду в первую очередь короля Франции. Поэтому английский монарх не должен и не может приносить оммаж за те земли, которыми владеет по праву и где он полный хозяин [Madicott, 1986, p. 33]. Но эти заявления оставались более в теории, так как могли быть реализованы в английской политической практике, в том числе и при первых Ланкастерах.

Борьба за Францию стала для Генриха V одновременно борьбой за установление истинно королевской власти, за сокращение привилегий баронов и Парламента. Опираясь на Францию как центр новой державы и ее политические институты, Ланкастеры могли впоследствии провести реформирование Англии. Но для достижения своей политической мечты Генриху V требовалось расчистить себе путь к трону Французского королевства. Он мог обеспечить свои права несколькими путями. Один из них заключался в простом завоевании, в «праве меча». Но для XV века такой вариант, особенно в отношении Франции, реализовать было сложно.

Завоевание как метод внешней политики имело крупный недостаток, так как могло привести к разрушению устоявшейся во Франции системы взаимоотношений между королевской властью и ее вассалами. Силовой захват престола, узурпация власти, влекли за собой вероятный отказ вассалов в повиновении и, соответственно, утрату значительной части фьефов. Уже свержение Ричарда II поставило перед Ланкастерами проблему признания законности их власти в Гиени, когда возникли проблемы с верностью графов Фуа и Арманьяка [Labarge, 1980, p. 184, 186]. Сеньоры юго-запада подчинялись королю Англии как своему сеньору, но сохраняли право апелляции к королю Франции и Парижскому парламенту [Gauvard, 1996, p. 372]. По этой причине захват (или завоевание) престола Франции мог показаться Генриху V трудно реализуемым проектом, порождающим новые конфликты, которых ему хотелось избежать.

В силу названных причин более перспективным казалось добиться признания своих прав дипломатическим путем, в котором военная сила оставалась бы только средством давления. Первым шагом здесь должно было стать получение континентальных владений в суверенитет, то есть признание королем Франции законности власти Ланкастеров по отношению к этим территориям, что подразумевало признание законности их власти вообще. Так и начал действовать Генрих V, и уже на второй год своего правления созвал в Вестминстере парламент, на который пригласил всех лордов королевства и заявил, что намеревается получить Нормандию, Га-

сность и Гиень, которые были его наследством, но которые король Франции незаконно удерживает [An English Chronicle, 2003, p. 42].

По мнению А. В. Сидяки, Генрих, еще будучи принцем, вдохновился идеей Томаса Хокклива, выраженной им в поэме «О правлении государя». Известно, что Т. Хокклив написал свое сочинение в 1410—1411 годах и адресовал его непосредственно принцу Уэльскому Генриху [Perkins, 2001, p. 1]. Идея автора заключалась в объединении постоянно враждовавших Англии и Франции в одно государство, что должно было привести к прекращению кровопролития, и именно эта идея «стала лейтмотивом его правления» [Сидяка, 2010, с. 23]. Вряд ли это было столь прямолинейно, поскольку требования претерпели своеобразную эволюцию: в 1414 году — возврат «вероломно отнятых у англичан» Анжу, Мэна и Турени [English Historical Documents, 1969, p. 48], к которым чуть позже добавились Бретань, Фландрия и часть Прованса, которые должны были перейти на правах «homage, superiority and lordship» [English Historical Documents, 1969, p. 209]. И только в 1417 году Генрих V осмелился выдвинуть претензии на престол Франции.

Единственным прямым наследником короля Франции Карла VI и его жены Изабеллы Баварской с апреля 1417 года оставался дофин Карл. В случае его смерти претендентом на корону становился герцог Карл Орлеанский, но пребывание его в английском плену не позволяло этому реализоваться. Наконец, третьим претендентом мог считаться сам Генрих V как представитель рода Валуа-Плантагенетов по женской линии.

2. Основные принципы наследования французской короны к началу XV века

Претворение в жизнь этого способа решения противоречий изначально было сопряжено с многочисленными трудностями. Прежде всего требовалось изменить порядок передачи власти, сложившийся во Франции, что вызывало существенные сложности.

Уже к XIV веку во Франции прочно утвердился принцип примогенитуры, на появление которого большое влияние оказало правило майората, принятое у знати королевства [Малинин, 2000, с. 201]. В 1317 году от наследования отстранили женщин. Для утверждения нового порядка передачи власти, вызванного смертью сына короля Людовика X Иоанна, была созвана ассамблея под председательством канцлера Франции Пьера д'Арраблэ, на которую прибыли «многочисленные бароны, благородные люди, прелаты, буржуа города Парижа», и они заявили, «что женщина

не может наследовать королевство Франции» [Les grandes chroniques de France, 1834, p. 331—332].

В 1328 году ассамблея знати передала королевство Филиппу де Валуа, двоюродному брату скончавшегося короля Карла IV, и одновременно отстранила от наследования короля Англии Эдуарда III, происходившего по женской линии от короля Франции Филиппа IV. Решение основывалось на установленном ранее принципе, гласившем, что женщины не наследуют королевство, дополненного новым принципом: они не передают права своему потомству, в том числе мужского пола. Дополнительным основанием для отказа послужил факт, что Англия является давним противником Франции [Les grandes chroniques de France, 1837, p. 72—73].

В итоге к началу XV века во Французском королевстве сложилась определенная и, как казалось, вполне стройная система передачи власти, основанная на следующих принципиальных моментах. Прежде всего она базировалась на наследственном праве, в соответствии с которым королевская власть передавалась внутри рода Капетингов — Валуа и не могла отчуждаться за его пределы.

С 1031 года действовало право примогенитуры, в соответствии с которым престол мог перейти только к одному, а именно старшему из наследников умершего короля. Это правило способствовало появлению идеи о неделимости королевского домена и королевства в целом, которые отныне не подлежали разделу между наследниками. Единственное, на что отныне могли рассчитывать младшие сыновья начиная с правления Людовика VIII, так это на получение апанажа — наследственного владения, возвращаемого в состав домена в случае отсутствия прямого наследника. По мнению авторов монографии «Капетинги. История династии», в этой практике не было угрозы централизации, так как передавались недавно присоединенные земли, расположенные на «проблемных территориях». В таком случае выделение апанажа могло способствовать их ассимиляции [Капетинги ..., 2017, с. 361].

Уже в XIV веке сложилось правило передачи власти исключительно по мужской линии. Женщины и их дети, в том числе мужского пола, от наследования оказались отстранены. И, наконец, агнатское право позволило выстроить иерархию потенциальных наследников, что давало возможность в спорных случаях определить объем прав каждого из них [Bonnesfin, 1987, p. 101—102].

Казусы 1316 и 1328 годов исключили из наследования кузенов, иностранцев и женщин. Особенно много внимания в середине XIV века уделялось обоснованию отстранения последних. В 1322 году Франсуа

де Мейронн, основываясь на Библии, доказывал отсутствие прав женщин на наследование, хотя феодальные кутюмы свидетельствовали об обратном.

С началом Столетней войны количество аргументов против передачи престола по женской линии продолжало нарастать. В антианглийской пропаганде эту же идею отстаивал Жан де Сессоль, оставивший между 1337 и 1350 г годами своеобразную «конституцию» о праве наследования, обосновав, что женщины на него права не имели. К Салическому закону стали апеллировать в 1358 году, и одним из первых это сделал монах Ришар Скот, тогда как до него ссылались только на «всеобщий закон королевства». При Карле V Рауль де Прель в своем переводе «О Граде Божьем» Августина утверждал, что закон, запрещающий женщинам наследовать престол, был издан еще королем Фарамондом [Малинин, 2000, с. 202; Rigaudière, 1998, р. 22, 25—28].

К началу XV века споры немного поутихли, вместе с сокращением интенсивности вооруженного конфликта. Однако возобновление претензий на французский престол со стороны Генриха V вызвало новую волну полемики. Уже в 1416 году Жан де Монтрейль в своем «Трактате против англичан» вновь подтвердил, что «женщина не может наследовать королевство», а в 1418 году Жан де Терр-Руж заявил, что корона Франции подлежит действию права обычая и является преемственной и передаваемой в силу такового. Она не наследственна, не выборна, ее преемственность установлена правом, то есть обычаем королевства. Короли Франции не имели обычая распоряжаться королевством по завещанию. «Король не является наследником своего отца. Он не получает корону в наследство от последнего, но получает ее в силу закона. Корона переходит не по наследственному праву, а по *statut legal*, как ведется в местных обычаях» [Basse, 1973, р. 251—252, 276].

Главным связующим моментом, обеспечивающим преемственность власти, оставалась королевская кровь, формировавшая «право крови» (*le droit du sang*). Наследник должен быть законнорожденным, а власть — переходить в соответствии с наследственным правом. Идея крови, линейности и святости власти должны были навязать юному принцу со дня его рождения весьма требовательный идеал власти. Он должен быть образцом моральных добродетелей [Rigaudière, 1998, р. 11, 13].

Исходя из этой концепции одним из способов решения проблемы наследования могло стать обвинение дофина Карла в незаконнорожденности, тем более, что оснований для подобного утверждения, учитывая скандальную репутацию королевы Изабеллы Баварской, имелось в до-

статке. Бургундская пропаганда подготовила почву для этого. Так, в июле 1418 года дофин Карл, когда он отходил от Тура и проезжал мимо замка Азе-ле-Ридо, услышал от его гарнизона весьма оскорбительные высказывания в свой адрес [Chronique de la Pucelle, 1859, p. 101—102; Beaucourt du Fresne, 1881, p. 101—102]. Это событие дало основание ряду исследователей утверждать, что политические противники обвиняли дофина Карла в том, что он является незаконнорожденным [Перну и др., 1992, с. 275; Saller, 1979, S. 261; Fraioli, 2005, p. 93].

Еще один намек на незаконнорожденность дофина Карла ряд исследователей видит в формулировке 29-й статьи договора в Труа, где употреблено выражение «именующий себя дофином де Вьеннуа» («soy disant Daulphin de Viennois») [Cosneau, 1889, p. 113], из чего делается вывод, что сомнение в рождении его в законном браке стало одной из причин лишения прав на престол [Басовская, 2002, с. 292; Perroy, 1945, p. 213; Saller, 1979, s. 277].

Критику такую точку зрения, Х. Кимм обратила внимание на сходство данной формулировки с преамбулой, присутствующей в письме герцога Бургундии, датированном 1411 годом: «Карлу, именуемому герцогом Орлеанским, Филиппу, именуемому графом де Верту и Жану, именуемому графом Ангулемским» («a Charles, qui te dis duc d'Orleans, a toy Philippes, qui te dis comte de Vertus et a toy Jean, qui te dis comte de Angulesme») [Kimm, 1969, s. 178]. Поскольку никаких сомнений в законнорожденности вышеперечисленных персон нет, то можно заключить, что выражение «именующий себя» носило скорее оскорбительный характер, демонстрируя, что названный человек не достоин носить свой титул, но оно ни в коем случае не выражало сомнений в законнорожденности.

Но сам Генрих V использовать такой аргумент в противостоянии династии Валуа не решился, так как в противном случае могли быть поставлены под сомнение права его будущей супруги Екатерины, сестры дофина Карла. На такой риск король Англии не пошел.

Впрочем в истории самого Французского королевства случились прецеденты, опираясь на которые Генрих V мог обосновать свое право. В свое время для оправдания узурпации короны в 987 году Гуго Капетом была сформулирована идея о преемственности между Каролингами и Капетингами. Ее выражением был брак между Людовиком VII и Адель Шампанской и, впоследствии, Филиппа II с Елизаветой д'Эно [Rigaudière, 1998, p. 9]. С такой позиции брак Генриха V с Екатериной Валуа вполне мог быть расценен как примирение династий Линкастеров (как ветви Плантагенетов) с Валуа — преемниками Капетингов.

3. Как Генрих V нашел свой путь к короне Франции

Но главная проблема заключалась для Генриха V в том, чтобы обосновать возможность передачи власти по женской линии иностранцу, ведь все предшествующее время французские легисты настойчиво доказывали, что это невозможно. Тогда был найден выход — через усыновление. Идея, по всей видимости, была позаимствована из практики отношений с Неаполитанским королевством.

В начале своего правления Генрих V развернул свою дипломатическую деятельность с целью привлечь Европу на свою сторону, используя ту же династическую политику, что и герцог Бургундии. В частности, он вознамерился приобрести трон Неаполитанского королевства, предложив в качестве приемного сына для сорокачетырехлетней королевы Джованны II своего брата Джона, герцога Бедфорда [Lindsay, 1934, p. 271]. До этого королева искала себе мужа, склоняясь то к английскому, то к французскому варианту. В конечном счете она выбрала себе графа Жака де Ла Марш (де Бурбон). Но брак оказался недолговечным, на некоторое время граф за попытку захвата власти даже оказался в тюрьме и был вынужден бежать из Италии обратно во Францию [Platen, 1864, p. 49, 58].

Но в начале 1419 года Джованна II, похоже, была склонна возобновить переговоры с Генрихом V об усыновлении Джона Бедфорда [Wylie, 1929, p. 172—173]. Видимо, напуганная последствиями предшествующего замужества, королева предложила вариант усыновления. В таком случае наследник мог получить королевство только после ее смерти. Уже 28 февраля 1419 года Генрих V дал свое согласие и назначил послов для ведения переговоров [Rumer, 1740, p. 81, 98]. Хотя данный проект так и не достиг своей реализации, но Неаполитанское королевство осталось на стороне Англии. А сама королева в 1421 году усыновила в качестве своего наследника молодого короля Арагона Альфонсо V [Zurita, 1629, p. 140—140 post.]. Приобретенный опыт Генрих V применил во Франции, где наметился не только династический, но и политический раскол.

В конце 1418 — начале 1419 годов произошло изменение статуса Парижа. После изгнания оттуда арманьяков и бегства дофина Карла на юг на короткое время в столицу вернулась королевская чета и прибыл сам герцог Жан Бесстрашный. На настойчивые требования Карла VI вернуться под родительскую опеку его сын отвечал отказом, а 24 декабря объявил о своем намерении провозгласить себя регентом королевства. Тем самым королевская семья оказалась расколотой и противопоставленной друг другу. Как выразился А. Ригодьер, наступила «королевская схизма» [Rigaudière, 1998, p. 29]. К этому можно добавить, что одновременно произошел раскол

органов управления, что также символизировало начало распада государства [Gauvard, 1996, p. 482].

Еще в конце ноября 1418 года под охраной бургундцев королевская чета уехала из Парижа, следом за ними в начале следующего года город покинул и Жан Бесстрашный. Он, как сказал М. Заллер, уже не собирался более бороться за него, усилия приносили слишком малый результат, а требовали все больше и больше времени и сил [Saller, 1979, s. 261]. Новой королевской резиденцией стал г. Труа.

Отъезд королевской семьи и формирование новых органов управления в Труа привели к утрате Парижем своего статуса столицы. Первыми на это отреагировали итальянцы, начав спешно переводить свои банковские филиалы в более спокойные Брюгге и Гент. В результате минимум на пять лет Париж выпал из экономической и финансовой жизни Европы [Ehlers, 1987, s. 301—302].

В начале 1419 года, а именно 19 января, Генрих V взял Руан, и теперь вся Нормандия оказалась в его руках. Путь на Париж теперь оказался открыт, и ничто не мешало королю Англии захватить этот город и сделать его столицей нового государства. Теперь только требовалось узаконить свои претензии на французский престол. В результате появлялись три столицы на бывшей территории Франции — в Бурже для Южной части, в Труа — для восточной и в Париже — для центральной и северной.

Общим местом в современной научной литературе стало утверждение, что именно события в Монтеро привели к заключению договора в Труа, например: [Harriss, 1985, p. 193; Nicholson, 1974, p. 250; Dupuy, 1980, p. 155; Matusiak, 2013, p. 241]. Сама эта мысль зародилась еще в начале XVI века, когда некий «картезианский монах <...> показавший Франциску I череп герцога, кратко заметил, что через это отверстие в голове герцога Жана англичане и вошли во Францию» [Сьюард, 1996, с. 242]. В свое время Ф. Линдсей прямо сказал по этому поводу: «Я уверен, что дофинисты были самыми глупыми заговорщиками. Они отправили бургиньонов прямо в руки короля Генриха в тот самый момент, когда союз между двумя группировками мог спасти Францию» [Lindsay, 1934, p. 285]. А Дж. Х. Вэйли в свою очередь заявил, что именно события в Монтеро полностью изменили намерения Генриха V: как только поступили новые мирные предложения от Изабеллы Баварской, он с радостью их принял [Wylie, 1929, p. 188]. Не возражают против подобной трактовки фактов современные отечественные исследователи В. А. Земляничин [Земляничин, 2015, с. 77] и А. М. Лобанов [Лобанов, 2014, с. 75]. Более осторожен в своих выводах Ч. Л. Кингсфорд, по его мнению, Генрих V сразу же осознал

возможности, предоставленные ему фортуной, но не форсировал события, ожидая реакции на них со стороны Бургундии [Kingsford, 1901, p. 295].

Этим подразумевается, что если бы не произошло убийство герцога Жанны Бесстрашного людьми дофина Карла, то и договор о передаче власти в руки Генриха V также бы не состоялся. В буквальном понимании развития событий это действительно так, и без Монтеро соглашение, подписанное в Труа, в таком своем виде не было бы реализовано. Но следует иметь в виду, что идея о восшествии на французский престол уже сложилась у короля Генриха V, и он стремился реализовать ее и до убийства Жана Бесстрашного, правда, в несколько ином виде.

Еще 26 октября 1418 года, во время осады Руана, когда ее исход не был предreshен, Генрих V изъявлял готовность вести переговоры с дофином Карлом на условиях отказа от претензий на корону Франции, получения в суверенитет и лордство Турени, Анжу и Мэна, а также графства Фландрия на правах феода французской короны [Mowat, 1920, p. 217].

Но уже во время переговоров в Мелене в апреле-мае 1419 года с Жаном Бесстрашным Генрих V потребовал себе в жены дочь Карла VI и Изабеллы Баварской Екатерину. На прощанье он заявил герцогу Бургундии: «Дорогой кузен! Мы хотим, чтобы вы знали, что мы возьмем дочь вашего короля и все, что мы просили за нее, или же мы прогоним из королевства и его, и вас». На что Жан Бесстрашный ответил: «Говорите в свое удовольствие, сир. Но прежде чем вы сможете изгнать монсеньора и нас из королевства, вы сильно утомитесь, в чем мы не сомневаемся» [Monstrelet, 1859, p. 321—322].

Поведение Жана Бесстрашного можно признать двуличным. Ведь не далее, как за два года до этого он обсуждал с королем Англии условия признания его королем Франции. В мае 1417 года в Кале состоялась встреча между Генрихом V и Жаном Бесстрашным, где они обсудили и заключили союз. Жан Бесстрашный признал Генриха V и его преемников наследниками трона Франции и обязался принести ему клятву верности, как только тот отвоюет существенную часть королевства. Документ имеется в виде наброска, написанного собственноручно Жаном Бесстрашным, он не датирован и не подписан, исполнен сокращений, недомолвок и таинственности. Противники союзников по договору обозначены буквами A, B, C и D [Calmette, 1996, s. 140]. Соглашение назвали «пактом с дьяволом» [Calmette, 1996, s. 140, 141], «инфернальным соглашением» [Saller, 1979, s. 242].

Факт подписания такого соглашения однозначно означал нарушение вассальной верности со стороны Жана Бесстрашного по отношению к Кар-

лу VI. В трактате «*Super omnia vincit veritas*» прямо говорилось, что герцог Бургундии сохраняет право именовать себя таковым только потому, что он держит эти фьефы от короля Франции. Даже заключение союза с королем Англии Генрихом V уже означал акт «*lèse-majesté*». А непризнание дофина Карла истинным законным наследником означает мятеж против своего суверенного сеньора, и каждый верный вассал отныне обязан вести против герцога Бургундии войну. Очевидно, что Жан Бесстрашный никак не мог определиться, на чьей стороне сила, и метался из лагеря в лагерь.

Поэтому в 1419 году требования Генриха V признали экстраординарными, и герцог Бургундии вновь показал себя противником раздела верховной власти во Французском королевстве, возможно, все еще надеясь сохранить ее для себя. Естественно, что устранение такого противника ускорило процесс подписания нужного для короля Англии соглашения с королевской четой, утратившей важную для себя политическую опору, но вместе с тем изменило саму его суть.

Когда Генрих V услышал новость об убийстве Жана Бесстрашного, он сказал, что, хотя он и оплакивает смерть герцога Бургундии, он также не может сдержать слез из-за того, что теперь с помощью Бога и Св. Георгия он получит госпожу (леди) Екатерину, даже если каждый француз скажет ему «нет»! [Lindsay, 1934, p. 286].

Итоги политики Генриха V закреплялись статьями договора в Труа. Он провозглашался сыном Карла VI и Изабеллы Баварской, получая в жены их дочь Екатерину. Прежний наследник — дофин Карл — лишался своих прав формальным *lit de justice* [Ordonnances, 1777, p. 273—277]. Однако сразу стать королем Франции Генрих V не смог, так как, согласно статьям соглашения в Труа, ему нужно было дождаться смерти Карла VI, который сохранял до конца жизни все свои титулы. Но договор в Труа продемонстрировал, что Ланкастеры являются природными Валуа, а Плантагенеты ведут свое происхождение от Капетингов [Favier, 1984, p. 122—123].

Зачастую договор в Труа трактуется как вершина политики Генриха V, с чем нельзя не согласиться. Однако, если бы не убийство в Монтеро, король Англии мог бы реализовать иной проект, включавший изгнание королевской четы из Франции. В этом случае он сам становился королем Франции (возможно, только северной ее части), но последующая передача власти его наследникам от брака с Екатериной Валуа уже не потребовалась. Тогда устойчивость власти Ланкастеров на континенте оказалась бы больше, чем это случилось по факту.

Действительно, события в Монтеро и в Труа ускорили уже начавшийся процесс складывания Англо-Французской монархии, но они не стали од-

нозначной и окончательной победой Генриха V. Их следует рассматривать, скорее, как компромисс между Ланкастерами и Валуа, имевший благоприятные последствия для восстановления в дальнейшем французской независимости. В свое время Дж. МакКенна заявил, что, проживи Генрих V еще два месяца, он бы объединил троны Англии и Франции. А поскольку этого не случилось, задача объединения двух королевств перешла к администраторам его наследника. Традиционно и справедливо Генриха V рассматривают как завоевателя Франции, тогда как его преемник выглядит как «*damnosa hereditas*» [McKenna, 1965, p. 145]. Все это стало последствиями и событий в Монтеро и договора в Труа.

Источники

1. *An English Chronicle 1377—1461. A New Edition* / ed. W. Marx. — Woodbridge : Boydell Press, 2003. — 199 p.
2. *Chronique de la Pucelle ou Chronique de Cousinot* / par M. Vallet de Viriville. — Paris : Adolphe Delahays, 1859. — 540 p.
3. *Cosneau E. Les grands traités de la guerre de cent ans* / Cosneau E. — Paris : Alphonse Picard, 1889. — 186 p.
4. *English Historical Documents. Vol. IV (1327—1485)* / ed. A. R. Myers. — London : Eyre & Spottiswoode, 1969. — 1236 p.
5. *Les grandes chroniques de France* / ed. J. Viard. — Paris : Librairie ancienne Honoré Champion, 1834. — T. VIII. — 384 p.
6. *Les grandes chroniques de France* / ed. J. Viard. — Paris : Librairie ancienne Honoré Champion, 1837. — T. IX. — 356 p.
7. *Monstrelet E. de. Chronique / E. de. Monstrelet.* — Paris : Librairie de la Société de l'histoire de France, 1859. — T. III. — 429 p.
8. *Ordonnances des Rois de France de la troisième race* / par M. Secousse et M. de Vilevaut. — Paris : De l'Imprimerie royale, 1777. — T. XII. — 793 p.
9. *Rymer T. Foedera, conventiones, literae, et cojuscunq; generis acta publica, inter regis Angliae, et alios quosvis imperatores, reges, pontifices, principes, vel communitates, ab ineunte saeculo duodecimo, viz ab anno 1101, ad nostra usque tempora* / T. Rymer. — Hagae Comitum : Apud Neaulme, 1740. — T. IV, P. III. — 201 p.
10. *Zurita G. Segunda Parte de los Anales de la Corona de Aragon* / G. Zurita. — Zaragoza : Oficina de Domingo Portonaijs, 1629. — 327 p.

Литература

1. *Басовская Н. И. Столетняя война: леопард против лилии* / Н. Н. Басовская. — Москва : Олимп; АСТ, 2002. — 432 с.
2. *Земляничин В. А. Идея восстановления справедливости как фактор формирования англо-бургундского союза 1419 г.* / В. А. Земляничин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 7, Ч. II. — С. 76—79.

3. *Капетинги. История династии (987—1328)* / Ф. Менан, Э. Мартен, Б. Мердриньяк, М. Шовен. — Санкт-Петербург : Евразия, 2017. — 688 с.
4. *Лобанов А. М. Договор в Труа (1420 г.): от войны внешней к войне внутренней и наоборот* / А. М. Лобанов // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер. Исторические науки. Всеобщая история. — 2014. — № 13 (135). — С. 74—82.
5. *Малинин Ю. П. Общественно-политическая мысль позднесредневековой Франции XIV—XV вв.* / Ю. П. Малинин. — Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 2000. — 231 с.
6. *Перну Р. Жанна д'Арк* / Р. Перну, М.-В. Клэн. — Москва : Прогресс, 1992. — 560 с.
7. *Сидяка А. В. Генрих V Ланкастер и идея двуединой Англо-Французской монархии* / А. В. Сидяка // Вестник РУДН. Сер. Всеобщая история. — 2010. — № 4. — С. 22—34.
8. *Сьюард Д. Генрих V* / Д. Сьюард. — Смоленск : Русич, 1996. — 400 с.
9. *Adams G. B. Constitutional History of England* / G. B. Adams. — New York : H. Holton, 1921. — 600 p.
10. *Basse B. La Constitution de l'ancienne France: principes et lois fondamentales de la royauté française* / B. Basse. — Liancour : Les Presses Saint-Louis, 1973. — 393 p.
11. *Beaucourt du Fresne G. de. Histoire de Charles VII* / G. du Fresne de Beaucourt. — Paris : Librairie de la Société bibliographique, 1881. — T. I: Le Dauphin : 1403—1422. — 479 p.
12. *Bonnefin A. Le monarchie française, 987—1789. Constitution lois fondamentales* / A. Bonnefin. — Paris : Editions France-Empire, 1987. — 398 p.
13. *Calmette J. Die grossen Herzoge von Burgund* / J. Calmette. — München : Diederichs, 1996. — 399 s.
14. *Dupuy M. Le chaos d'où sortit la France: Le temps des Armagnacs et les Bourguignons (1380—1435)* / M. Dupuy. — Paris : Librairie Académique Perrin, 1980. — 447 p.
15. *Ehlers J. Geschichte Frankreichs im Mittelalter* / J. Ehlers. — Stuttgart, Berlin, Köln : W. Kohlhammer GmbH, 1987. — 430 s.
16. *Favier J. La naissance de l'état* / J. Favier. — Paris : Fayard, 1984. — 253 p.
17. *Fraioli D. A. Joan of Arc and the Hundred Years War* / D. A. Fraioli. — Westport, London : Greenwood Press, 2005. — 185 p.
18. *Gauvard C. La France du Moyen Age du V-e au XV-e siècle* / C. Gauvard. — Paris : Presses Universitaires de France, 1996. — 568 p.
19. *Harriss G. L. Henry V: Practice of Kingship* / G. L. Harriss. — New York : Oxford University Press, 1985. — 222 p.
20. *Kimm H. Isabeau de Bavière, reine de France. 1370—1435. Beitrag zur Geschichte einer bayerischen Herzogtochter und des französischen Königshauses* / H. Kimm. — München: Robert Wölfle, 1969. — 293 s.
21. *Kingsford Ch. L. Henry V. The typical mediaeval hero* / Ch. L. Kingsford. — New-York; London : G. P. Putnam's Sons, 1901. — 418 p.

22. *Labarge M. W.* Gascony, England's First Colony. 1201—1453 / M. W. Labarge. — London : Hamish Hamilton, 1980. — 276 p.
23. *Lindsay Ph.* King Henry V. A Chronicle / Ph. Lindsay. — London : Ivor Nicholson and Watson, Ltd, 1934. — 383 p.
24. *Madicott J.* The Origins of the Hundred Years War / J. Madicott // History today. — May 1986. — Vol. 36. — P. 31—38.
25. *McKenna J. W.* Henry VI and the Dual Monarchy: Aspects of Royal Political Propaganda. 1422—1432 / J. W. McKenna // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1965. — Vol. XXVIII. — P. 145—162.
26. *Matusiak J.* Henry V / J. Matusiak. — London, New-York : Routledge, 2013. — 283 p.
27. *Mowat R. B.* Henry V / R. B. Mowat. — Boston : Houghton Mifflin Company, 1920. — 343 p.
28. *Myers A. R.* England in the Middle Ages / A. R. Myers. — London : Clays Ltd, 1991. — 284 p.
29. *Nicholson R.* Scotland. The Later Middle Ages / R. Nicholson. — New-York : Barnes and Noble, 1974. — 695 p.
30. *Oman C.* The history of England : from the accession of Richard II. to the death of Richard III. (1377—1485) / C. Oman. — London : Longmans, Green, and Co., 1910. — Vol. 4. — 525 c. (The political history of England, in 12 volumes; 4).
31. *Perkins N.* Hoccleve's Regiment of Princes. Counsel and Constraint / N. Perkins. — Cambridge : D. S. Brewer, 2001. — 235 p.
32. *Perroy E.* La guerre de cent ans / E. Perroy. — Paris : Editions Gallimard, 1945. — 342 p.
33. *Platen A. di.* Storia del reame di Napoli dal 1414 al 1443 / A. di Platen. — Napoli : Presso l'editore Alberto Deiken, 1864. — 260 p.
34. *Pollard A. F.* The History of England. A study of political evolution / A. F. Pollard. — New-York : Henry Holt and Co; London : Williams and Norgate, 1912. — 256 p.
35. *Rigaudière A.* Pouvoirs et institutions dans la France medieval / A. Rigaudière. — Paris : Armand Colin, 1998. — T. 2. Des temps féodaux aux temps de l'État. — 335 p.
36. *Saller M.* Königin Isabeau. Die Wittelsbacherin auf dem Lilienthron / M. Saller. — München : Nymphenburger Verlagshandlung GmBH, 1979. — 357 s.
37. *Wylie J. H.* The Reign of Henry the Fifth / J. H. Wylie. — Cambridge : University Press, 1929. — Vol. III: 1415—1422. — 555 p.

“We’ll Take your King’s Daughter and Everything we Asked for her...”: King Henry V’s Struggle for the Throne of the French Kingdom

© **Oleg I. Nuzhdin (2019)**, orcid.org/0000-0003-2127-4214, PhD in History, associate professor, Department of Foreign Regional Studies, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia), o_nuzhdin@mail.ru.

This article is devoted to the study of the legal conditions that allowed the King of England Henry V to make a claim to the throne of France. The author points out that by the beginning of the 15th century, in France, there was a fairly stable tradition of the transfer of royal power, which included such principles as primogeniture, agnat law, the «blood right», the exclusion of foreigners, as well as women and their offspring from inheritance. Under the influence of the Hundred Years War, these rules received additional arguments, making the implementation of the claims of the English monarchs almost impossible. However, the political crisis of the beginning of the 15th century, in France, including the death of two dauphins and the royal «schism», created a legal loophole. It consisted in the adoption procedure, according to which King Charles VI of France recognized Henry V as his son and heir. This idea was formed on the basis of the experience of diplomatic relations with the Kingdom of Neapolitan in 1419. According to the author, the Treaty of Troyes established new principles for the transfer of the throne and became a compromise between the dynasties of Valois and Lancaster.

Keywords: Hundred Years War; Henry V; succession to the throne; Lancaster; treaty in Troyes.

Material resources

- Cosneau, E. (1889). *Les grands traités de la guerre de cent ans*. Paris: Alphonse Picard. (In French).
- Marx, W. (ed.). (2003). *An English Chronicle 1377—1461. A New Edition*. Woodbridge: Boydell Press.
- Monstrelet, E. de. (1859). *Chronique*. Paris: Libraire de la Société de l’histoire de France. III. (In French).
- Myers, A. R. (ed.). (1969). *English Historical Documents. Vol. IV (1327—1485)*. London: Eyre & Spottiswoode.
- Rymer, T. (1740). *Foedera, conventiones, literae, et cojuscunque generis acta publica, inter regis Angliae, et alios quosvis imperatores, reges, pontifices, principes, vel communitates, ab ineunte saeculo duodecimo, viz ab anno 1101, ad nostra usque tempora*. Hagae Comitum: Apud Neaulme. IV (III). (In Latin).
- Secousse, M., Vilevaut, M. de. (ed.). (1777). *Ordonnances des Rois de France de la troisième race*. Paris: De l’Imprimerie royale. XII. (In French).
- Vallet de Viriville, M. (ed.). (1859). *Chronique de la Pucelle ou Chronique de Cousinot*. Paris: Adolphe Delahays. (In French).
- Viard, J. (ed.). (1834). *Les grandes chroniques de France*. Paris: Libraire ancienne Honoré Champion. VIII. (In French).

- Viard, J. (ed.). (1837). *Les grandes chroniques de France*. Paris: Libraire ancienne Honoré Champion. IX. (In French).
- Zurita, G. (1629). *Segunda parte de los anales de la corona de Aragon*. Zaragoza: Oficina de Domingo Portonaijs. (In Span.).

References

- Adams, G. B. (1921). *Constitutional History of England*. New York: H. Holton.
- Basovskaya, N. I. (2002). *Stoletnyaya voyna: leopard protiv lilii*. Moskva: Olimp; AST. (In Russ.).
- Basse, B. (1973). *La Constitution de l'ancienne France: principes et lois fondamentales de la royauté française*. Liancour: Les Presses Saint-Louis. (In French).
- Bonnefin, A. (1987). *Le monarchie française, 987—1789. Constitution lois fondamentales*. Paris: Editions France-Empire. (In French).
- Calmette, J. (1996). *Die grossen Herzoge von Burgund*. München: Diederichs. (In Germ.).
- Dupuy, M. (1980). *Le chaos d'où sortit la France: Le temps des Armagnacs et les Bourguignons (1380—1435)*. Paris: Libraire Académique Perrin. (In French).
- Ehlers, J. (1987). *Geschichte Frankreichs im Mittelalter*. Stuttgart, Berlin, Köln: W. Kohlhammer GmbH. (In Germ.).
- Favier, J. (1984). *La naissance de l'état*. Paris: Fayard. (In French).
- Fraioli, D. A. (2005). *Joan of Arc and the Hundred Years War*. Westport, London: Greenwood Press.
- Fresne de Beaucourt, G. du. (ed.). (1881). *Histoire de Charles VII. I: Le Dauphin: 1403—1422*. Paris: Libraire de la Société bibliographique. (In French).
- Gauvard, C. (1996). *La France du Moyen Age du V-e au XV-e siècle*. Paris: Presses Universitaires de France. (In French).
- Harriss, G. L. (1985). *Henry V: Practice of Kingship*. New York: Oxford University Press.
- Kimm, H. (1969). *Isabeau de Bavière, reine de France. 1370—1435. Beitrag zur Geschichte einer bayerischen Herzogtochter und des französischen Königshauses*. München: Robert Wölflle. (In Germ.).
- Kingsford, Ch. L. (1901). *Henry V. The typical mediaeval hero*. New-York; London: G. P. Putnam's Sons.
- Labarge, M. W. (1980). *Gascony, England's First Colony. 1201—1453*. London: Hamish Hamilton, 1980.
- Lindsay, Ph. (1934). *King Henry V. A Chronicle*. London: Ivor Nicholson and Watson, Ltd.
- Lobanov, A. M. (2014). Dogovor v Trua (1420 g.): ot voyny vneshney k voyne vnutrenney i naoborot. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki. Vseobshchaya istoriya*, 13 (135): 74—82. (In Russ.).
- Madicott, J. (1986). The Origins of the Hundred Years War. *History today*, 36: 31—38.

- Malinin, Yu. P. (2000). *Obshchestvenno-politicheskaya mysl' pozdnesrednevekovoy Frantsii XIV—XV vv.* Sankt-Peterburg: Izdatelstvo SPbGU. (In Russ.).
- Matusiak, J. (2013). *Henry V.* London, New-York: Routledge.
- McKenna, J. W. (1965). Henry VI and the Dual Monarchy: Aspects of Royal Political Propaganda. 1422—1432. *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, 28: 145—162.
- Menan, F., Marten, E., Merdrignac, B., Shoven, M. (2017). *Kapetingi. Istoriya dinastii (987—1328).* Sankt-Peterburg: Evraziya. (In Russ.).
- Mowat, R. B. (1920). *Henry V.* Boston: Houghton Mifflin Company.
- Myers, A. R. (1991). *England in the Middle Ages.* London: Clays Ltd.
- Nicholson, R. (1974). *Scotland. The Later Middle Ages.* New-York: Barnes and Noble.
- Oman, C. (1910). *The history of England: from the accession of Richard II. to the death of Richard III.* London: Longmans, Green, and Co., 12/4.
- Perkins, N. (2001). *Hoccleve's Regiment of Princes. Counsel and Constraint.* Cambridge: D. S. Brewer.
- Pernu, R., Klen, M.-V. (1992). *Zhanna d'Ark.* Moskva: Progress. (In Russ.).
- Perroy, E. (1945). *La guerre de cent ans.* Paris: Editions Gallimard. (In French).
- Platen, A. di. (1864). *Storia del reame di Napoli dal 1414 al 1443.* Napoli: Presso l'editore Alberto Deiken. (In Ital.).
- Pollard, A. F. (1912). *The History of England. A study of political evolution.* New-York: Henry Holt and Co; London : Williams and Norgate.
- Rigaudière, A. (1998). *Pouvoirs et institutions dans la France medievale.* T. 2. Des temps féodaux aux temps de l'État. Paris: Armand Colin. (In French).
- Saller, M. (1979). *Königin Isabeau. Die Wittelsbacherin auf dem Lilienthron.* München: Nymphenburger Verlagshandlung GmbH. (In Germ.).
- Sidyaka, A. V. (2010). Genrikh V Lankaster i ideya dvuedinoy Anglo-Frantsuzskoy monarkhii. *Vestnik RUDN. Ser. Vseobshchaya istoriya*, 4: 22—34. (In Russ.).
- Syuard, D. (1996). *Genrikh V.* Smolensk: Rusich. (In Russ.).
- Wylie, J. H. (1929). *The Reign of Henry the Fifth.* Cambridge: University Press. III: 1415—1422.
- Zemlyanitsin, V. A. (2015). Ideya vosstanovleniya spravedlivosti kak faktor formirovaniya anglo-burgundskogo soyuza 1419. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 7(II): 76—79. (In Russ.).